

ТЕНДЕНЦИИ ЧЕЧЕНСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ И ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Буралова Р.А.¹, Халидов А.И.²

¹ ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный педагогический институт». Грозный, Россия.

e-mail: rburalova@mail.ru

² ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный педагогический институт». Грозный, Россия.

e-mail: halidov_aisa@mail.ru

Статья содержит анализ чеченско-русского двуязычия с учетом тех изменений, которые произошли в Чеченской Республике в последние двадцать лет, и в контексте с языковой ситуацией и языковой политикой, сложившейся в республике и в стране в целом. Отмечается, что деструктивные процессы последних двух десятилетий в определенной степени отразились и на позициях русского языка и уровне владения им чеченцами, но резкого ухудшения ситуации не произошло и русский язык продолжает выполнять свойственные государственному языку функции. Вместе с тем, как и для других регионов России, для Чеченской Республики актуальны проблемы сохранения и развития чеченского языка: миноритарным его еще нельзя считать, но без расширения его функций в тех пределах, которые допускаются возможностями языка и российским законодательством, могут появиться реальные основания для включения его в известный Атлас ЮНЕСКО, в который, по мнению авторов, чеченский язык включен в 2009 году преждевременно.

Ключевые слова: чеченско-русское двуязычие, функционирование языков, расширение функций языка; языковая политика, миноритарные языки.

TRENDS IN CHECHEN-RUSSIAN BILINGUALISM AND THE ECOLINGVISTIC SITUATION IN THE CHECHEN REPUBLIC

Buralova R.A.¹, Khalidov A.I.²

¹ The Chechen State Pedagogical Institute. In Grozny, Russia, e-mail rburalova@mail.ru

² The Chechen State University. Grozny, Russia, e-mail halidov_aisa@mail.ru

---

The article contains an analysis of the Chechen-Russian bilingualism, while bearing in mind the changes that took place in the Chechen Republic in the last twenty years, and in the context of the language situation and language policy situation in the neighboring republics and as well as the whole country. It is noted that the destructive processes of the past two decades, to a certain extent, reflected in the positions of the Russian language and its proficiency level among Chechens, but a sharp deterioration of the situation had not occurred and the Russian language continued to perform typical functions of the State language. However, the problems of preservation and development of the Chechen language are relevant for the Chechen Republic as in other regions of Russia. While it still cannot be considered a minority language, without broadening its functions to the extent allowed by Russian law and the language capacity, there will be a real reason for its inclusion in the well-known UNESCO Atlas, in which, according to the authors, the Chechen language is included in the 2009 year prematurely.

Keywords: Chechen-Russian bilingualism, functioning of languages, expansion of language functions, language policy, minority languages.

Языковые процессы, происходящие в постсоветском пространстве, убедительно доказывают абсурдность опасений, что от нерусских культур и языков Российской Федерации исходит какая-то угроза для русского языка и культуры. Во всех национально-государственных субъектах РФ, в частности в Чеченской Республике, русский язык прочно занимает позиции государственного языка и языка межнационального общения и степень владения им достаточно высока. Вместе с тем другие языки российских народов, в том числе

обладающие в соответствующих республиках конституционным статусом государственных, уже приобрели или приобретают черты миноритарности. В защите и заботе о сохранении нуждаются прежде всего эти языки. Как известно, национально-русское двуязычие при всех своих известных плюсах имеет и негативные последствия – оно ведет к миноритаризации остальных, кроме русского, языков. В этой связи нельзя не согласиться с М.-С. Мусаевым, предупреждающим, что двуязычность уже 70 % носителей языка малочисленного народа – сигнал к тому, что необходимо принимать защитные меры, так как это грань, после которой следует ожидать потери языка, собственной культуры, своих национальных особенностей [5, с. 5]. С учетом максимального объема общественных функций русского языка и давно преодоленного 70-процентного уровня национально-русского двуязычия в любой из республик РФ есть основание говорить о серьезной опасности для кавказских и других национальных языков, таящейся в чрезмерном культивировании двуязычия и вытеснении «местных» языков даже из тех сфер, которые они могли бы обслуживать.

Как отмечают в этой связи С.А. Бурлак и С.А. Старостин, «на стадии двуязычия (билингвизма), когда появляются смешанные селения и даже смешанные семьи носителей языков I и II, как следствие – все владеют с детства (как родными) обоими языками. Если не принять немедленных мер по вытеснению языка II по возможности из всех сфер общения (все-таки, наверное, не всех, а из тех, в которых достаточно родного языка и которые он способен обслуживать. – Р.Б., А.Х.), язык I обречен» [1, с. 66]. Несколько позднее эти же авторы указали на формируемый динамикой двуязычия языковой нигилизм, порождаемый чисто прагматическим подходом к выбору языка общения, отметив, что билингвы обычно из двух языков, которыми владеют, выбирают тот, который «выгоднее» в сложившихся условиях жизни и деятельности [2, с. 69-70]. Что, в конце концов, неизбежно приводит к полному вытеснению «этнического языка» из всех сфер общения, в том числе устного общения в семье и с представителями своего этноса, после чего неминуемо приводит к отмиранию языка и следом за ним самого этноса.

«Национально-русское» двуязычие в нашей стране является следствием целенаправленной политики этнической и языковой ассимиляции, берущей свое начало с конца 30-х годов прошлого века. Впечатляющая динамика уровня владения русским языком представителями различных народов России – «результат языковой политики в области образования, точка отсчета которой – 13 марта 1938 г. – дата выхода Постановления ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», резко изменившего языковую политику: на всей территории СССР был взят курс на русификацию, начался постепенный перевод всех школ на русский язык, родной язык изучался в качестве предмета» [4, с. 227]. Ограничение функций «местных языков» в

образовательной сфере, не получившее особого развития лишь в нескольких республиках бывшего СССР (Грузия, Армения, прибалтийские республики), закономерно привело к их ограничению и в остальных сферах, т. е. языки десятилетиями теряли свои позиции важнейших определителей этнонациональной самоидентификации, а над многими нависла угроза реального исчезновения. Возможно, В.В. Тишков прав в своей оценке этнополитической ситуации в стране [7, с. 526-527], но нельзя согласиться с ним в том, что этнополитическая ситуация в России была более благополучной, чем в других полиэтничных государствах мира, именно в годы написания и выхода этой его книги (вторая половина 90-ых годов прошлого века). В наше время проблема «русского национализма» острее, чем проблема «нерусского национализма», а корни этого зла стали прорастать уже в 90-ые годы, что подчеркивается и самим В.В. Тишковым: «Однако ошибаются те, кто видит в нерусском национализме только злокозненность и эгоизм «неблагодарных националов». Политическая социология свидетельствует, что если тот или иной агент социального пространства не имеет «голоса» в системе, то он предпочитает «выход» из этой системы («voice or exit»). К сожалению, политическое и культурное пространство страны, особенно ее Центра, остается доминирующим этническими русскими и русской культурой. Достаточно привести пример избранной Государственной Думы в 1993 г., где решительно преобладают политики московского Садового кольца, а представительство регионов и этнических общин явно недостаточно. То же самое относится, даже в большей степени, к составу исполнительных органов власти, престижным позициям в офицерском и дипломатическом корпусе, в средствах массовой информации. В центральных средствах массовой информации фактически звучит только русская речь. От такой практики давно отказались многоэтничные по составу населения страны и даже те, где имеются всего лишь иммигрантские меньшинства. Крайние формы периферийного национализма стимулируются растущим национализмом среди русских (и наоборот)» [7, с. 121]. Все более разрастающийся «уличный» «русский национализм», опасность которого для всего общества руководители многонационального федеративного государства стали только-только осознавать, начинает сменяться непредсказуемым в своих последствиях поворотом в выработке стратегии национальной политики государства, направленной на то, чтобы сплотить сотни этносов, населяющие эту страну, уже не в «многонациональный народ Российской Федерации», как они обозначены в Конституции, или в «многонациональное сообщество российских народов», а в «российскую нацию», «многонародную российскую нацию» (см. Проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации»). Один из главных пунктов предлагаемой стратегии национальной политики сводится к «сохранению русской культурной доминанты, носителями которой являются все народы Российской

Федерации, сформированной не только этническими русскими, но и вобравшей в себя культуру всех народов России». На самом деле речь должна была бы идти о «развитии общероссийской культурной доминанты, формируемой всеми народами России», поскольку русская культурная доминанта (не культура вообще, а именно доминанта) сформирована этническими русскими, представители других народов (и России, и выходцы из многих других стран) принимали в этом участие; русская культура не вобрала в себя культуру других народов России, она вобрала в себя элементы культур других народов, точно так же, как другие, не русские, культуры вобрали в себя элементы русской культуры. Эти и многие другие формулировки целей и задач стратегии национальной политики не имеют в виду, конечно, развитие сбалансированного двуязычия, гармоничное развитие языков и культур народов России, и делаются для подмены понятия «российская гражданская идентичность» понятием «российская национальная идентичность», а поскольку речь идет об идентичности национальной, то следующий шаг, видимо, – замена первого компонента этого словосочетания. Если бы разработчики «Стратегии» стремились к «строительству многокультурной нации на основе двойной и не взаимоисключающей идентичности (культурно-этнической и государственно-гражданской) граждан страны как наиболее конструктивной формулы новой России» [7, с. 124], сама «Стратегия» была бы в корне иной, однако в ней явно прослеживается другая идея – ассимиляции всех нерусских народов России, унаследованная от национальной политики уже не существующего советского государства, в том числе ассимиляции через стимулированное угасание их языков.

Ускорению тенденции к постепенному «угасанию» языков народов советских автономий способствовал поворот в понимании целей национально-языковой политики, тон которому задали в 50-ые годы ученые-языковеды. Только начавшая формироваться как отдельное направление в советском языкознании социальная лингвистика начала с того, что пришла к выводу, что возможности письменных языков малочисленных народов Советского Союза не отвечают «возросшим духовным и материальным потребностям их носителей», поэтому их дальнейшее развитие возможно только в том случае, если не только высшее и среднее, но и начальное образование они будут получать «лишь через посредство русского языка» [6, с. 121]; целесообразность и возможность использования языков малых народов, даже письменных, в других сферах, кроме семейного общения, даже не имелась в виду. Обосновывая целесообразность не только отказа от расширения функций языков «малых народностей», каковыми признавались фактически все народы, не образующие союзные республики, но и свертывания тех функций, которые они выполняли к этому времени, социолингвисты в 1957–1958 гг. стали широко обсуждать проблему связи между объемом функций языка и развитием словарного состава, в первую очередь научной и технической

терминологии, и классификации языков по признаку перспектив функционального развития. Обсудив эту проблему на Научной сессии Отделения общественных наук АН СССР (Москва, 23–26 июня 1956), ученые-языковеды однозначно отнесли языки народов автономий ко второй группе – группе языков «бесперспективных». Конечно, это было мнение не всех участников научного форума, но голоса отдельных из них, высказывавшихся за расширение функций языков малых народов, потонули в потоке выступлений «за резкое ограничение функций указанных языков». С этого времени судьба литературных языков народов автономий была предрешена, и они с каждым годом приближались к тому порогу, после которого у языка может не оказаться никаких шансов на сохранение.

Такие установки на планомерное свертывание функций, если говорить прямо – на «удушение» большинства языков в огромной стране появлялись на фоне глобального процесса отмирания языков, не сбавляющего обороты до сегодняшнего дня. По подсчетам многих отечественных и зарубежных авторов, в XXI веке примерно половина из 6 тысяч языков мира, скорее всего, исчезнут, а в течение следующих нескольких столетий исчезновение постигнет 90 % языков мира. Однако каждый язык – часть мировой цивилизации, и исчезновение любого языка, даже если на нем говорит всего несколько сотен человек, – потеря для мировой культуры. Исчезновение языков – это исчезновение этнического разнообразия на Земле: даже в случае сохранения «биологического кода» этнос обречен на угасание и вымирание по мере угасания своего языка, являющегося главным носителем культуры народа, и если не спохватиться вовремя и не начать принимать меры с самого начала проявления признаков миноритаризации языка (следовательно, и культуры), то в какой-то момент процесс может оказаться необратимым и в лучшем случае язык останется зафиксированным для его изучения потомками.

Между тем многие языки народов Северного Кавказа, численность которых исчисляется десятками и сотнями тысяч, вопреки мнению экспертов ЮНЕСКО, уверенно относятся к миноритарным преждевременно, но перспектива войти в число языков угасающих, отмирающих, исчезающих у них есть, и это нетрудно установить, обратившись к данным о численности и ареалах распространения многих языков народов Кавказа. Но на Северном Кавказе много народов малочисленных, особенно в Дагестане, среди которых А.Е. Кибрик выделяет, например, «больные», расположенные между «здоровыми» и «мертвыми», – гинухский, гунзибский, арчинский, годоберинский, кризский, удинский, цезский, хваршинский.

Из приведенных З.М. Габуниа и Р.Г. Тирадов [3, с.8-9] пяти причин миноритаризации языков четыре имеют отношение к чеченскому языку – 2, 3, 4 и 5. Для других северокавказских народов первые две причины не актуальны, а третья не столь актуальна,

как для чеченцев. Но по причинам 4 и 5 постепенно ослабляются позиции всех языков народов и Северного Кавказа, и России в целом. Анализ объема функций письменной формы того или иного языка народов Кавказа свидетельствует о крайней ограниченности их использования или вообще неиспользовании в основных сферах, обеспечивающих сохранение и развитие языка. В образовании, массовой коммуникации эти языки какое-то участие принимают, но в государственном управлении, делопроизводстве, судопроизводстве, общественно-политической жизни, науке и технике, в народном хозяйстве безраздельно господствует русский язык. Усугубляющий фактор – недостаточный для овладения письменной формой того или иного языка объем его изучения в школе даже как предмета преподавания, не говоря о том, что в качестве языка обучения используются только отдельные языки и только, как правило, в 1–2 классах. Основной сферой употребления языков народов Кавказа являлась и остается сфера общения в семье и одноязычной среде, где используется устная, разговорная форма языка, но и в этой сфере в ряде республик до последнего времени прослеживалась тенденция к минимализации использования родного языка, проявляющаяся, в частности, и в так называемой инкаляции (вкраплении слов и оборотов русского языка).

В настоящее время языковая ситуация в ЧР несколько иная, чем двадцать и более лет назад. С одной стороны, не так остро стоит проблема «обратного» двуязычия, с другой – несколько снижен фактор языковой среды – наличия в республиках значительной части русского населения, который оказывал определенное влияние на активность использования остальным населением своего родного языка. Так, например, в ЧР доля русского населения снизилась в связи с известными событиями в десятки раз, незначителен удельный вес русских в соседней Республике Ингушетия, существенно изменилась структура населения в других республиках Северного Кавказа. В изменившихся условиях необходимы иные подходы и принципы в выработке и реализации языковой политики и конкретных программ в области языковой жизни, рассчитанных и на ближайшую перспективу, и на более отдаленное будущее. В частности, необходимо как-то компенсировать снижение фактора языковой среды и принять меры к тому, чтобы не произошло резкого снижения уровня владения русским языком в наших республиках.

Так, не может не вызывать озабоченность тот факт, что результаты ЕГЭ по русскому языку последних лет обнаруживают несформированность компетенций выпускника чеченской школы в области языкового образования: прежде всего страдает коммуникативная компетенция, т.е. уровень овладения разными видами речевой деятельности, умение воспринимать чужую речь и создавать собственные высказывания, что просто необходимо для дальнейшего обучения и профессионального становления выпускника. Симптоматично,

что более 25 % выпускников 2014-го и 2015-го годов даже не приступали к написанию сочинения-рассуждения, т.е. показали несформированность навыков чтения и понимания прочитанного. Анализ сочинений демонстрирует системный характер ошибок в содержании сочинения, что связано с недостаточно высокой степенью интеллектуальной зрелости и развитости эмоциональной сферы, с низким уровнем владения операционными умениями, с невысоким уровнем социокультурных фоновых знаний. Закономерно, что в 2014-ом г. по ЧР средний балл ЕГЭ по русскому языку составил 41,1; в 2015-ом – 35, между тем как в целом по РФ средний балл в 2014-ом – 62,5, в 2015-ом – 65,9. В 2015 г. не преодолели минимальный порог более 30 % выпускников школ ЧР.

Осознание катастрофичности создавшегося положения и важности овладения русской устной и письменной речью привело к принятию серьезных решений в области преподавания русского языка в ЧР. В частности, с начала 2015 г. идет реализация комплексного Плана мероприятий, направленных на повышение качества преподавания и изучения русского языка в субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа и Республики Адыгея. (Программа мероприятий, направленных на повышение качества преподавания и изучения русского языка в республике, утверждена Министерством образования и науки ЧР 30.12.2014 г.)

Сохраняя свое отношение к русскому языку как государственному языку Российской Федерации, языку межнационального общения, с помощью которого все население Российской Федерации имеет доступ к полноценному образованию, ко всем источникам всякой информации, мы не должны забывать, что «язык в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Сохранение любого языка, сколько бы людей на нем ни говорило, необходимо, поскольку «любой язык является выражением уникальности каждого сообщества, определенного способа восприятия и описания им реальности. Следовательно, каждому языку должны быть предоставлены все необходимые условия для развития и выполнения его функций во всех проявлениях. Каждое языковое сообщество имеет право создавать условия и привлекать разнообразные внутренние средства в целях гарантии использования языка во всех социальных сферах» [Всемирная декларация языкового права. Статья 7]. При наличии такого права у наших народов практически никогда не было условий для его реализации, их функции всегда были до предела ограниченными. Для того чтобы обеспечить сохранение и развитие языков,

необходимы, кроме принятых во всех республиках законов о языках, специальные программы, имеющие своей целью определение путей и способов решения этой важнейшей для дальнейшего существования кавказских народов проблемы, основанные на осмыслении прошлого и настоящего языковой и в целом культурной жизни кавказцев.

О важности вопросов сохранения и развития русского, всех языков народов РФ, об их значимости для гармонизации межнациональных отношений, обеспечения гражданского единства, укрепления государственного суверенитета и целостности России было заявлено в очередной раз на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку от 19 мая 2015 года. Принятые на этом заседании решения должны придать новый импульс для комплексной, системной работы по сохранению, изучению и поддержке языков народов России, давая надежду на дальнейшее развитие многоязыкового образовательного и информационного пространства и позволяя скоординировать усилия государственных органов, ученых-лингвистов и всего общества в этой сфере.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (№ 15-04-00529).

Список литературы

1. Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. – М., 2001. – 272 с.
2. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. – М., 2005. – 432 с.
3. Габуниа Зинаида, Тирадо Рафаэль Гусман. Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. – М., 2002. – 288 с.
4. Местникова А. Е. Языки коренных малочисленных народов Севера в зеркале переписей населения // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 5 (84). – С. 225-230.
5. Мусаев М.-С.М. Современные социолингвистические проблемы в северокавказском полиэтническом регионе // Актуальные проблемы синхронного, диахронного и контактного изучения языков Дагестана на пороге третьего тысячелетия: материалы региональной научной конференции. – Махачкала, 2001. – С. 3-7.
6. Современная идеологическая борьба и проблемы языка. – М.: Наука, 1984. – 238 с.
7. Тишков В.В. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. – 532 с.

Рецензенты:

Овхадов М.Р., д.фил.н., профессор, Чеченский государственный университет, г. Грозный;

Сулейбанова М.У., д.фил.н., профессор, Чеченский государственный университет, г.
Грозный.